
Кирилл Курбатов

Скрипучий случай

Рассказ

Миша играл вторую скрипку в маленьком симфоническом оркестре и с завистью смотрел на сидящего рядом концертмейстера Ильича.

Во время болезни или отпуска последнего Миша с упоением садился за желанные ноты и выкладывался так, что оркестр затихал, и лишь барабанщик Гонилов тихо настукивал ритм. Однако с возвращением первой скрипки Мишу неизменно отправляли обратно, пусть на почетное, но все же второе место.

В который раз за выступление Миша обреченно вздохнул, а на выдохе взял на полтона выше положенного. Ильич неодобрительно покосился: легким движением ушей он распознавал малейшую фальшь. Гонилов тоже промахнулся по тарелке, и она бесцеремонно задребезжала.

Зал наполнился слушателями, но, как полагается, не все пришли по собственному желанию. Кто-то, конечно, ловил каждый аккорд, но изредка то в партере, то в амфитеатре мелькали зевающие рты и даже проносился кратковременный храп.

В бельэтаже закашляли. Миша поднял голову и краем взгляда уловил падающую с перекрытия сцены огромную металлическую балку. Она пролетела в нескольких сантиметрах от его носа и с треском врезалась в пол, благополучно его проломив. По пути балка задела руку Ильича, вырвала у него скрипку, погребя ее в образовавшейся яме среди обломков пола. Оркестр замолчал. Зрители с тяжелым «ох» поднялись с теплых мест, а за ними поднялись шум, крики, паника. Побледневший Ильич тянул к Мише сломанную кровотокающую руку с выглядывающей из локтя костью. Шокированного Мишу стошнило на концертмейстера, а тот, в свою очередь, побледнел еще больше и без сознания упал в яму.

Продолжать концерт не было никакой возможности. Это поняли и врач, приводивший Ильича в чувство, и рабочие, извлекавшие балку, и расходящиеся зрители, и дирижер, который похлопал Мишу по плечу:

— Поздравляю с повышением. Ты как себя чувствуешь?

Миша чувствовал себя живым. Еще немного — и его бы самого пришлось бинтовать, а еще немного — отправить назад головой. Оказалось, не все в симфоническом мире объяснимо партитурой и смычком: существуют явления, независимые от музыканта, но влияющие на него самым непосредственным образом, зачастую тяжелым и травмоопасным. Тревога и сомнения поползли по нервным волокнам. Был ли это несчастный случай? Что спровоцировало падение, и почему

Кирилл Курбатов (1991) — родился в Рязани. Учился в Рязанском радиотехническом университете (не закончил). Несколько лет работал гидом в Турции. Сейчас работает режиссером рекламных роликов. Печатался в журнале «Урал». Живет в Рязани.

именно сейчас, во время концерта? Может быть, это какой-то знак? Или просто случайность?

От кипящих вопросов Миша вспотел до глубины души и, вытирая соль со лба, обратился к барабанщику Гонилову. Тот увлекался чем-то мистическим, астрологией или грибами, и поговаривали, будто занимал не последнее место в одной тайной организации. Перед выступлениями четыре раза обходил барабан по часовой стрелке и два раза — против, что-то бормотал на одном ему понятном языке, вообще был человеком суеверным. Однако сам Гонилов предпочитал о себе не распространяться. «Придет время, и вы все узнаете сами, — говорил он, — но будет уже поздно».

— Вов, — сказал Миша, — я вот думаю... Этот несчастный случай...

Гонилов тряпочкой протирал барабанные палочки. Он, единственный из всего оркестра, так и не бросил свой инструмент.

— Для кого-то несчастный, — прокомментировал он, — а для кого-то счастливый.

— Вот и я о чем. Представляешь? Я всю жизнь об этом мечтал! Ну, в смысле... — Миша смутился. — Не чтобы...

— Да понял я. Везенье — дело такое. Загадочное! Я бы даже сказал, необъяснимое. Но здесь дело совсем не в везенье. Вот скажи, разве может человеку так повезти, чтобы он всю жизнь о чем-то мечтал, мечтал, а потом раз — и сбылось?

— Ну...

— Не может, Миш. Не может! Это только в кино так бывает. А в жизни все по-другому. Тут от Сам-знаешь-чего не уйдешь. — Гонилов подмигнул.

— От чего не уйдешь?

— Как от чего? От судьбы.

Миша замер с носовым платком на мокрой шее. Что-то подобное он ожидал услышать, но Гонилов еще никогда не выражался так прямо.

— От судьбы? — переспросил Миша.

— Да, Миш, от судьбы. — Гонилов вдруг засуетился. — Все, иди, иди. У меня тут дела, надо прибраться.

— А что мне...

— Все, до завтра, — Гонилов замахал тряпочкой.

Рабочий день получился сокращенным — пора было возвращаться домой. Миша убрал чудом выжившую скрипку в чехол и вышел через главный зал. Гардеробщицы пытались с ним попрощаться, но неудачно.

— Че эт с ним? — сказала одна. — Видать, зазнался. Такой вежливый был, а тут ни «здрассти», ни «до свиданья».

— А чего удивляться, — сказала вторая. — Балка-то рядом с ним упала. Поглядела бы я на тебя на его месте. А он молодец! Жаль только, Ильича покалечило. Такой хороший скрипач был.

— Давно ль ты стала в музыке разбираться?

Тем временем Миша погрузился глубоко в себя. То есть очень глубоко. Так, что с трудом улавливал окружающих. В тумане он добрался до трамвайной остановки. Впервые он понял, что в какой-то неуловимо тонкий момент жизнь может рассыпаться в пепел. Все, к чему он стремился, чего добивался и чем жил, могло рухнуть: тяжело, с треском и пылью несбывшихся надежд.

Как строить планы, если в любой момент на тебя может что-то упасть? Вот стал я первой скрипкой, но мог бы и лежать в яме, и еще неизвестно в какой: на сцене или на кладбище. Неужели музыкальная школа, консерватория, оркестр, должность концертмейстера, наконец, — это лишь везенье? Годы кропотливого труда и таланта должны были сделать меня первой скрипкой, а сделало меня сломавшееся перекрытие. Значит, удачно складывающаяся жизнь — нелепое совпадение. Не могла же балка упасть сама, по собственному желанию, в конце концов. Если бы балки чего-то желали, то наверняка падали бы каждый день: это гораздо интереснее, чем просто болтаться и держать потолок. Но свалилась-то она совершенно случайно. А если она

упала сегодня, может упасть и завтра. А то и вообще филармония рухнет. Можно, конечно, бросить оркестр, бросить музыку, уйти в лес, питаться ягодами и вообще жить отшельником, чтобы хоть как-то обезопасить себя, но слепой случай все равно настигнет. В виде лесного пожара. В виде волчьей стаи. Или в виде маленького ядовитого комара. И ничего с этим не поделаешь. Даже если играешь на скрипке, даже если ты, в общем-то, неплохой музыкант, все равно рано или поздно что-то случится. Случится без какой бы то ни было причины, без умысла и просчета. Случится просто так, потому что ты оказался в ненужное время и в ненужном месте. А как найти нужное место, если на первый взгляд все на своих местах? Барабанщик — за барабанами, альтист — за альтом, виолончелист — за виолончелью. И все играют как должно, все идет по нотам, но перекрытие все равно ломается, в сцене появляется дыра, и одним концертмейстером становится меньше.

С тяжелыми думами Миша дождался трамвая. Он занял место у самой двери, недалеко от курящего водителя. Трамвай был почти пуст и не торопился отходить. Внутренняя контролер препиралась с молодым человеком, от которого пахло копченой рыбой, хотя выглядел тот, в меру сил и возможностей, вполне интеллигентно.

- Выходи давай! — наступала контролер.
- Говорю же, никуда я не пойду, — отбивался копченый. — Я домой еду.
- От тебя рыбой воняет за три версты, всех уже прокоптил.
- Я на рыбном работаю, вот и пахну. Вы трамваем пахнете, а я рыбой.
- Мыться надо!
- Что вы пристали? Я в чан с рыбой упал.
- Ну и сидел бы там, в этом чане, от тебя несет, как от покойника.
- А вы часто покойников нюхаете?

Водитель докурил сигарету и вынудил трамвай поехать. Миша вновь углубился в себя, абстрагируясь от рыбного запаха и препирательства.

Рыбы, значит. Плавают себе, плавают, глотают планктон, никого, в общем-то, не трогают, а потом кто-то их ловит — и в чан. Это нам заранее известно, что мы ее поймем, а рыба-то этого не знает, она просто ищет корм. Вот и мы так же. Живем себе, живем, а где-нибудь на крыше поджидает кирпич, готовый в любой момент свалиться на голову. Вопрос в том, нас он поджидает или кого-то еще. Или вообще никого не ждет, а его падение будет чистой случайностью? Нет, все-таки должна быть какая-то закономерность, какая-то сила, которая толкает кирпич, чтобы он встретился с несчастной головой. Может, прав был Гонимов насчет судьбы, и никакой случайности не бывает, а все, что мы делаем, заранее предопределено.

Но как жить с сознанием того, что каждая минута известна и изменить уже ничего нельзя? Балка упала, потому что так распорядилась судьба, а не из-за отлетевшего болта и сломавшегося перекрытия. Значит, консерватория, моя игра в оркестре, новая должность — все было записано в нотной тетради, а я лишь сыграл по нотам вместо того, чтобы их написать. Выходит, собственно моей заслуги в этих достижениях и нет. Как бы я ни старался, чего бы ни делал, все равно стану тем, кем суждено. Значит, можно даже не пытаться повышать уровень своей игры, ведь итог будет тот же — первая скрипка. Впрочем, возможно, я не филоню именно потому, что судьба не позволяет, а если начну играть неправильные ноты, то судьба возьмет меня в ежовые рукавицы и вынудит прекратить. Наверное, так оно и было. Я начал фальшивить, балка упала, и я вдруг стал первой скрипкой, и теперь уже фальшь не положена по должности, иначе весь оркестр будет импровизировать. Значит, так судьба распоряжается людскими жизнями: ни шагу в сторону, а если попытаешься, то на тебя обязательно что-нибудь свалится.

Трамвай резко, с диким скрипом затормозил и прервал ход мыслей. На рельсах растянулся лысый мужчина в черной паре, который, видимо, поскользнулся на выпавшем из пакета куске сливочного масла. Водитель закурил.

- Что, трамвай такой незаметный? — возмутилась контролер.

Мужчина быстро поднялся, поправил пиджак и начал голыми руками собирать масло с путей и засовывать обратно в бумажный пакетик.

— Совсем сдурел? — не унималась контролер.

— У меня рейс горит, а он масло собирает, — неторопливо заметил дымящий водитель.

— Что вы ко всем приматываетесь? — вступился копченый.

Впрочем, мужчина быстро управился и удалился с путей. Водитель докурил, и трамвай снова поехал. Мише нужно было выходить на следующей.

Вот как бывает. Идешь себе спокойно с куском масла, а оно подводит в самый неподходящий момент. Что же это все-таки такое? Судьба или случайность? Если это судьба, то почему мужчина не попал под трамвай, зачем же ему тогда было падать, ради чего? А если случайность, то почему масло растеклось именно на рельсах, именно перед тяжелым трамваем? Может, мужчина сам во всем виноват? Виноват в том, что неуклюжий, что носит масло в дырявом пакете, не смотрит по сторонам. Он сам себя не бережет, и тут уже ни судьба, ни случай не в силах что-либо изменить. Ведь если сам под трамвай бросаешься, кто в этом виноват, если не ты? Вот и балка упала потому, что ее не закрепили. Какой-нибудь монтажник забыл закрутить болт или, хуже того, сэкономил, а нам теперь расплачиваться за его жадность. Слишком дорогие болты получились. Сорванный концерт — раз, сломанная рука — два, разбитая сцена — три. Только я один в выигрыше. Но ведь и я-то не просто так стал первой скрипкой. Я к этому долго шел. Учился и ошибался, снова ошибался и снова учился. И только так я смог достичь этой высоты. Какая же это, к черту, случайность, если я столько терпения, усилий и времени вложил в свое образование. Каждая сыгранная нота — это маленькое, но достижение, каждый звук — это гимн моему трудолюбию и упорству. Какая, к черту, судьба, если я провел столько бессонных ночей, изучая целые партитуры, вместо того чтобы запомнить лишь скрипичную партию. Пусть балка и покалечила Ильича, но концертмейстером я стал все-таки благодаря себе, а не ему. Ведь он меня ничему не научил — я сам научился. Я могу быть примером для каждого трудолюбивого и талантливого человека. И никакие балки, Ильичи и прочие здесь ни при чем. Вот Гонилов, например, хоть и читает заклинания над барабаном и замаливает судьбу, а как был посредственным музыкантом, так им и остался. Никакие заклинания, никакие ухищрения не помогут, если не начать работать над собой. Только через волю, безудержное стремление и упорный труд можно чего-то достичь, а если ты целеустремленный, то никакая балка, никакой чан с рыбой, никакое масло тебя не остановят.

Трамвай затормозил.

Окрыленный мыслью, Миша схватил футляр со скрипкой, выбежал из копченого транспорта и замер. Солнце обволакивало улицу успокаивающими лучами. С бульварных кленов, кружась, планировали первые пожелтевшие листья. Из ближайших дворов эхом долетал звонкий детский смех и играл одну партию с птичьей трелью. Пахло вечерней прохладой и мягкой, приятной сыростью. Миша потянулся и полной грудью вдохнул счастье. За время поездки он наконец окончательно решил, что сам в ответе за свою жизнь, что все его результаты — это его результаты, а не совпадение или судьба, что если захочет, то обязательно достигнет любых высот и преодолеет даже самые весомые преграды. Он окончательно поверил в себя и свою скрипку.

Воодушевленный, он дошел до подъезда и ощупал карманы в поисках ключей, но они затерялись где-то в складках фрака. Миша положил футляр на скамейку и принялся с усердием себя обыскивать. Ключи никак не появлялись. Вдруг сверху, будто с крыши, донесся какой-то треск, но Миша не обратил на него внимания и продолжил усердные поиски. Треск повторился. Миша все же нащупал ключи и, прищурившись, поднял голову. С крыши, стремительно увеличиваясь, летел керамический и травмоопасный кирпич.